

Элизат

1

Ты дала мне силу нелукаво
Рассказать, чем жизнь моя жива,
Ты пришла и даровала право
На простые, верные слова.
Пусть за эту милость боль и беды
Милой не коснутся невзначай,
Горя и печали ты не ведай,
Горный мой цветок, не отцветай!
Сам я знаю, что на белом свете
Хорошо, что худо для меня...
Небеса ты прояснила эти,
Озарила на закате дня!
Даришь мне любви бесценной благо,
Не страшась препятствий и препон...
О, прекрасной женщины отвага!
Жертвенностью женской я сражен.
Вольной волей все узлы распутав,
Побеждая силой красоты,
Ты не испугалась пересудов,
От меня не отказалась ты.
Я решился выговорить слово,
Бедные стихи произнести.
Умница моя, не будь сурова,
Сбивчивость, обычность их прости!
Не твоя ли радостная сила,
Эту зиму делая весной,
Теплотою сердца растопила
Льды сомненья, словно жгучий зной!
Вскормлена ты матерью-балкаркой,
И сейчас я благодарен ей,
Полон я признательностью жаркой
К той горянке, к матери твоей!
Льется свет, и все мне стало внове.
Чем воздам за это волшебство?
Вот — стихи, и дышит в каждом слове
Свет лица и сердца твоего.

2

Всем, кто живет, давно пора взглянуть:

Снег — за окном, зима белым-бела...
Ты, положив мне голову на грудь,
Так безмятежно в эту ночь спала.
Сегодня за ночь выпал снег опять,
Пришла зима, метелью мельтеша.
Когда могла ты так спокойно спать,
Была спокойной и моя душа.
Ты сладко погрузилась в забытье,
Вблизи и вдалеке — белым-бело.
Знать, не засохло дерево мое
И заново сегодня зацвело.
Когда зима успела, не пойму,
Мир обновить, но вся земля бела.
Щекой прижавшись к сердцу моему,
Ты, как ребенок, в эту ночь спала.

3

Все от первого снега сейчас побелело,
И сегодня чисты, словно снег поутру,
Стали каждое сердце и каждое дело.
Новизною взволнован, тянусь я к перу.
Я лицо твое вижу сейчас, начиная
Это новое стихотворенье, и мы,
Хоть близка постарения темень ночная,
Встретив утро, дожили до этой зимы!
В руки снег мы возьмем — скажем благодаренье
За его чистоту, благодать белизны,
И судьбе мы вдвоем скажем благодаренье —
Мы живем, да и зренья не лишены!
А на улице нашей бело после вьюги,
Палисадник и дворик сверкают, и дом —
Весь в заносах...
Великая новость в округе —
О зима в стародавнем Чегеме моем!
День в Чегеме так бел...
Что там блещет, искрится?
Что тебе и зиме в благодарность скажу?
Я, слагая стихи, вижу счастья границу,
Выхожу я на белую эту межу.
Думы — лишь о тебе, потому ли мгновенный
Белый день декабря стал как будто белей?

Ветер веет в лицо новизной, переменной,
Говорю о тебе, и летит снеговой.
Вот и этой зимой в блеске снега и света
На лицо твое снова смотреть я смогу.
О как ново в Чегеме свечение это,
О белейшая полночь, о горы в снегу!
И весна и зима на земле — для живущих,
Это вижу я вновь с каждой сменой времен,
Это я повторяю в заснеженных кущах,
Белизною зимы и тобою пленен.
Да, и ты, и зима, так легко, вдохновенно,
Обе, дарите радость — об этом и речь.
Я изведал и горю и радости цену,
Их границу не раз мне пришлось пересечь.
Снега чистые хлопья струятся все время,
Тают в речке, по чистому мчатся ключу...
В блеске белого дня, в поседелом Чегеме
Я вот эти слова благодарно шепчу...

4

Вспять гоню свои годы под высверком гроз,
Будто в сумерках конский косяк.
«Как прекрасно лицо твое!» — я произнес...
Снегопад, чуть помедлив, иссяк.
В эти вьюжные дни ты и душу мою,
И раздумья согрела в снегу.
Мне в глаза поглядела, сказала:
«Люблю!» —
Я забыть свои годы смогу.
Бел мой садик сегодня, пороша чиста,
Как надежд молодых облака.
Верю я, что любим, и моя высота,
Как бывало, бела, высока.
Так я радуюсь пылко лицу твоему,
Так рукам твоим рад и глазам,
Погляжу — как бесценный подарок приму,
Возвращающий юность бальзам.
Стала ты моей верой, ты — светоч в метель
И — тенистое дерево в зной!
«Вышим даром» любовь звал мудрец, и досель
Большей мудрости нет под луной.
Знаю, жизнь коротка. Как ее ни тяни,
Не удержишь ни лет, ни минут,
Но теперь для меня даже зимние дни

На весенней свирели поют.
Годы гнут, но так много ты даришь мне сил,
Поддержав на дороге крутой!
Мой темнеющий вечер, что стужей страшил,
Ты согрела своей теплотой.
Я назвал твое имя — лицо мое вдруг
Озарило сияние дня. Голос твой и походка, касание рук—
Все награда сейчас для меня.

5

Дни мои и ночи пролетели
На земле нагорной и родной.
Запоздалый свет, сквозь мглу метели
Озарил ты поздний вечер мой!
Жизнь бежит, сменяя поколенья,
Мчатся времена в небытие,
И твое чудесное явление —
Новое рождение мое!
Лучшей вести голос твой дороже...
Ты зачем так поздно с высоты
Глянула, звезда, и отчего же,
О весна, так запоздала ты?
Думаю об этом непрестанно
В знойные и в пасмурные дни.
Как ты поздно вышла из тумана,
О звезда моя, повремени!
Об отсрочке хочется взмолиться,
Но нельзя застыть календарю,
И тебя, звезда моя, жар-птица,
Я за тихий свет благодарю!
Свет вечерний ясен без подсветок,
Скоро — полночь, но сойду во тьму,
Поклонившись низко напоследок
Поздней гостье — свету моему.

6

Может быть, от боли я заплачу...
Все равно — другого счастья нет,
Ранишь ты, но радость и удачу
Даришь мне, мой поздний, поздний свет!
Жизни полночь с каждым часом ближе,

Но с тобой, как в юности, светло.
Будь же ты со мною, подойди же,
Чтоб надежды дерево цвело!
День с тобой... Ты знаешь, это чудо
Стоит сотни одиноких дней...
Старость, смерть, скорее прочь отсюда,
Подождите, будьте поскромней!
День с тобой, он сотни дней огромней,
И не видно гибельного дня,
Будь он даже близок, все равно мне —
Столько сил вдохнула ты в меня.
Столько сил, что безрассудно жду я
Новых дней тепло и благодать...
В трудный день усталую, седую
Голову мою рукой погладь!
Дерево мое незримой сенью
Зашумит, и вновь придет покой,
Словно путь от гибели к спасенью
Ты укажешь мне своей рукой.
Слов красивых ты бы не хотела,
Слову сердца моего внимли,
Сердцу верь, оно — твое всецело,
Лучший из цветов моей земли!
Родины цветок, весны предвестье
Мне твое цветение несет,
На тебя глядят со мною вместе
Белый пик и неба синий свод.
Горечь постаренья, близость ночи,
То, что снег заносит все пути,
Что земное счастье дня короче,
Дай забыть и душу освети!
С новизной весенней в зиму смело
Ты вошла, как радостная весть,
Для меня себя не пожалела...
Разве дар щедрее в мире есть?
Разве этой крутизны
Любящий избег?
Для влюбленного любовь —
Снеговой Казбек.
Жизнь не в жизнь, не стоит жить,
И не прекословь,
Если перестала быть
Высотой любовь.
Оттого, что я люблю,
Мир привычный нов,
Как цветущий абрикос —

Прелесть этих слов.
Как же дереву не цвести,
Как осилить страсть,
Как не прорасти зерну И горе упасть?
Вымолвить слова любви —
Радость без границ!
Выпускает лишь любовь
Самых вольных птиц.
Сердца жаркие слова
Молвить разреши!
Вот — моя любовь к тебе,
Высота души.

7

Будто вновь ты — ребенок, и чудится мне
Колыбельная... Сладко опять,
Наклонившись над милым лицом в тишине,
Снов счастливых тебе пожелать.
Пусть приснятся тебе этой ночью зимы
Высочайшие горы в снегу.
Вновь девчонкой бежишь вдоль ручья на холмы,
Словно радость черпнув на бегу.
Как бежишь ты, босая, как прыгаешь ты,
Как уносится бабочка прочь,
Как цветут для тебя на утесах цветы,—
Пусть приснится тебе в эту ночь.
Пусть увидишь ты в мареве зимнего сна
Зацветанье орешин, листву,
Эта зыбкая радость, вершин белизна
Пусть вернуться уже наяву.
Сколько нежности в сердце!
Пронзен теплотой,
Я хочу, чтоб нечаянно, вдруг
Хорошо тебе стало, как девочке той,
Что идет босиком через луг.
Колыбельные песни всех песен милей,
И, как будто дитя пожалев,
Я хотел бы сложить для любимой моей
Колыбельный нежнейший напев.
Вьюжной ночью зажегся, тревожно светя,
Мой чегемский очаг... Я спую,

Забывая, что ты уж давно не дитя,
Колыбельную песню свою...

8

Для того, кто влюблен,— всех живущих милей,
Всех красавиц красивей одна.
«Нет красавицы краше любимой твоей»,—
Отзывается ливня струна.
В сердце любящем — свет, а в нелюбящем — тьма,
Вихрем снежные брызги летят.
«В целом мире нет лучше любимой твоей»,—
Говорит мне ночной снегопад.
Этой силе, рождающей в сердце любовь,
Нет цены, и бессильны слова.
«Нет добрее любимой твоей никого»,—
Говорит, пробиваясь, трава.
И покуда любовь горяча и жива,
Будет жить доброта, как всегда.
«В целом мире нет чище любимой твоей»,—
Мне напела речная вода.
Луч рассвета любимой лицо озарил —
Ничего нет прекрасней с утра...
«Нет превыше любимой твоей ничего»,—
Говорит мне, белея, гора.
Никого нет прекрасней любимой твоей,
Ничего — благодатней любви.
Жизнь, своей красоты для меня не жалея,
Бурей душу мою обнови!

9

Я для тебя стихи слагаю эти,
Не ведая, как долго стих живет,
Ведь, обветшав, как все на белом свете,
И он, и я — исчезнем в свой черед.
Как дождь идет и не идти не может,
Не мог не написать я этих строк;
Так отраженья огненные множит,
На звезды глядя, мчащийся поток.
Как ликовал я, стих собрав по слогу!..
Так счастлив ливень над простором нив,
Так радуется снег, застлав дорогу,

Или олень, из родника испив.
Так я писал, так твой приход я встретил,
Когда пришла ты, как весенний день.
Мой каждый час чудесен стал и светел,
Припал к порогу радости олень.
Как легкий конь, срывающий поводья,
Промчавшийся в лугах что было сил,
Как бурная стремнина половодья,
Был волен я и горести забыл.
И чудилось, я дереву подобен,
Расцветшему весной в моем дворе...
Так лунный свет играет на сугробе,
Так птицы пролетают на заре.
Когда весною запеваает птица,
Произнося свою благую весть,
О, разве ей бессмертье песни мнится?
И я стихов не мог не произнести.
Дано им будет много лет иль мало,
Речь не о том, довольно суеты...
Я их сложил, чтоб ты любви внимала,
Я их дарил, как дикие цветы.

10

Голоса звучанье колдовское
И немногословие твое
Столько сразу дарят мне покоя,
Разом погружают в забытье.
В голосе твоём — такая прелесть,
С ним души горячий льется свет,
В нём звучит волны струистый шелест —
Лишь стихами говорить в ответ!
Мало слов, но чувство — в чистом звуке,
В музыке живет голосовой.
Вижу я лицо твое и руки,
День и ночь я брежу, сам не свой.
И глаза твои — такое диво!
Кажется, что в сердце мне глядят.
Словно говорить всегда правдиво
Ты клялась, и твой обычай свят.
Мне подарен взгляд, или прохожим,
Иль деревьям, обступившим нас,—
«Быть несправедливыми не можем»,—
Говорит мне взгляд любимых глаз.
И походка — поступь, от которой,

Кажется, пора весне настать...
И вдали белеющие горы,
И деревья — все тебе под стать.
Ты идешь — так счастлива доселе
Не бывала снега белизна.
Так идешь, как будто на свирели
Заиграла для тебя весна.
Длится день, на образ твой похожий,
С каждым часом ближе и родней,
К суете обыденной все строже...
И прошу я — больше этих дней!
Не удержишь в слове облик милый,
Долог день, земля еще в снегу,
Стихотворной не хватает силы,
Но молчать я больше не могу.

11

Как будто своих тебе горестей мало,
Актриса, взяла ты чужую беду!
Чужое страдание собственным стало,
Выходишь на сцену в жару и в бреду.
Волнуясь, бледнея, все снова и снова
Вступаешь ты в поле страстей и невзгод...
Я знаю, на свете нет горя чужого,
Всею болью земною художник живет.
И в сердце — страданье, и в сердце — смятенье,
И сцена — не сцена, все слишком всерьез,
Проходишь по жизни самой — не по сцене —
С глазами бессонными, полными слез.
К ребенку погибшему кинется с плачем,
Не вспомнив о собственной участи, мать,
Над раной чужою не будешь незрячим,
Не сможешь не вздрогнуть и боли не внять.
Искусство подобно внезапной лавине,
Обрушится с круч снеговая гора,
И жарко душа встрепенется — доньше
Так смотрят на мир и живут мастера.
Актриса, тебе и того еще мало,
Что близких оплакала в доме родном,
Еще и на сцене грустить не устала,
А годы бегут под грозой табуном.

И снова погублена ты, Дездемона!
Кто боль твою выразить мог бы?..
А ты Еще и чужую несешь непреклонно
Под облаком ревности и клеветы.
Но радость врывается юным оленем,
Чтоб в жарких лучах торжества твоего
Рогам к твоим прикоснуться коленям,
Когда побеждает твое мастерство.
Твой голос явился из области сказки
И вызвал на сцену иные века,
От жизненной прозы обыденно-вязкой
Ты в эти мгновения так далека.
Актриса! И в час одинокой печали
Ты все-таки счастлива — в тысячный раз
Бессчетные зрители затрепетали,
Твой голос до слез меня тронул, потряс!

12

Но и тогда, когда сидишь ты в зале,
Лиц не найти подобных твоему
В собранье многолюдном, и едва ли
Суть волшебства когда-нибудь пойму.
Я не скажу, что нет лица красивей,
Но лучше твоего не вижу лиц,
И, хоть земля разверзлась в страшном взрыве,
Я все глядел бы, не бросаясь ниц.
Так необычно, так свежо и строго
Твое лицо; ни тьмы, ни фальши в нем.
И речь моя, как на заре дорога,
Просветлена его живым огнем.
Нет глаз таких, как эти, в целом зале,
Глядят они из глубины времен.
Не передать, что мне они сказали.
Но стыдно лгать... Я счастлив, что пленен!
О, этот взгляд из середины зала!..
Когда внезапно образ твой возник,
Каких бы слов я ни сказал, все мало,
Всего чудесней этот чистый лик!
Средь стольких лиц, и ласковых и милых,
Твое лицо мне светит, словно ты
Остановить любые беды в силах...
Так вглядываюсь я в твои черты.

13

И влюбленность, как радость, встречал я всегда,
Ничего изменить не сумели года.
И не проклял я самого горького дня,
Даже боль моя благом была для меня.
И, хоть солью богата, ты прятала мед,
Высшим даром была ты.
Кто любит — поймет!..
Я не звал тебя карой, и если была
Ты порой коротка, не считал, что — мала.
Приносила мученья все снова и вновь,
Но несчастьем тебя не считал я,
Любовь! Разве мог я родимую землю проклясть?
Обе сердцу вы святы — единая власть!
Для меня ты звездой была голубой,
Цвел некошенный луг, орошенный тобой.
Что мне — старость, угроза ее не страшна,—
Жизнь всему на земле даришь ты, как весна.
Жарким солнцем ты жизнь согревала мою,
Лунным светом светила мне в дальнем краю.
Ты ко мне приходила, и таяли льды
Вдохновенье и силу сковавшей беды.
И короткая — счастьем была ты одна,
Голосами всех речек чистейших звучна.
Песнопенья всех птиц на воздушном пути,
Свет всех весен, сходящих на землю цвести,—
Все — в тебе! И всегда я встречал твой порыв,
Словно звездному небу, всю душу раскрыв.
Сделав зиму весной, вечной радостью вей!
Низко кланяюсь птице парящей твоей...

14

Будь у тебя детей десяток,
Все девочка ты для меня.
Как жизни срок сурово-краток
И кажется короче дня!
Приветлива и яснолица,
Ты вся чиста, как лунный свет.
Конь юности сквозь вьюгу мчится,
Мне возвращая зелень лет.
Детей вскормила, но все та же
Ты — девочка спустя года.
К тебе не прикоснется сажа,
Свежа нагорная вода.
Тебя ничто не загрязнило,
Пусть меркнут зимы и лета.

Ты — как высокое светило,
Ты, словно девочка, чиста!..

15

Если бы не ты, остались эти строки в недрах тьмы,
И весна бы не вернулась в мир, уставший от зимы.
Делая земное дело и не повторяя стих,
Люди могут жить на свете и без этих слов моих.
Но, когда бы я хоть слабой вымолвить не мог хвалы,
Жизнь моя темней была бы и раздумья — тяжелы.
Так я рад, что эти строки смог однажды произнести,
И разлился свет высокий, и вошла благая весть.
Смертный, я согрет бессмертьем, вечным благом счастлив
я — Той любовью, от которой просветлела речь моя.
Словно дерево, что, тенью в зной окинув, дарит кров,
Ты мне силу подарила, благодать целебных слов.
Будто ночью, темной ночью ты прислала лунный свет,
Дни мои ты одарила — тает горечь прошлых лет.
Дальнорским звездным светом просквозив мои слова,
Разожгла незримый пламень — вновь душа моя жива!
За собой ты увлекала, и взошел я в область гор...
Греет солнце вдохновенья, и слепит, и нежит взор!
Мне любви открылись кручи, та заоблачная высь,
До которой в миг могучий лишь счастливыцы добрались.
Мне с немыслимой вершины жизнь по-новому видна,
Глубина людского счастья и печали глубина.
Струны радости задел я и узнал, что я не стар,
Бурку белую надел я — радости заветный дар.
Пил я из ключей студеной, видел горную зарю,
Как восторженный избранник, я тебя благодарю!
Пил из родника, где плещет быстрой юности струя,
И тебе за эту радость пылко благодарен я!
Силы юности вернулись, и, волнуясь и любя,
Восхожу от высей
к высям
и благодарю тебя!..

